

Время летело незаметно. В уютной, почти семейной атмосфере, сложившейся между Цуй Инлуном и его учеником, промелькнуло два года.

С самого раннего утра Чоу Муи, верный своей привычке, уже стоял в «стойке всадника». Размявшись, он перешел к кулачному комплексу, которому его обучил наставник для укрепления костей и суставов. Мальчик сейчас был в той поре, когда дети стремительно вытягиваются: он заметно подрос, плечи раздались, а былая детская припухлость исчезла, уступив место крепкому костяку. Черты лица заострились, и хотя Муи лишился части своего детского очарования, его холодная, отстраненная манера держаться делала его облик на редкость притягательным. Несмотря на то что ему едва исполнилось семь лет, Цуй Инлун уже давно перестал воспринимать его как ребенка. Наставник то и дело сокрушался — и втайне гордился, — что его ученик наделен столь ранней мудростью. Старику порой самому приходилось засиживаться над книгами, чтобы не ударить в грязь лицом, если не в меру умный мальчишка решит задать какой-нибудь каверзный вопрос.

Больше всего Цуй Инлун сожалел о том, что его подопечный с каждым днем становился всё менее... «тискательным». Ладно бы он просто был невозмутим, как каменное изваяние — раньше его хотя бы удавалось вывести из равновесия, и это было лучшим развлечением для учителя. Теперь же, как ни старайся, Муи и бровью не вел. В ответ на все подначки он лишь одарял наставника таким взглядом, который, казалось, мог прошить насквозь. А если старик совсем переходил границы, мальчишка мог и «царапнуть» в ответ колким словом.

Дошло до того, что Цуй Инлун повадился театрально охать и ахать перед учеником. Ссутулившись и картинно держась за поясницу, он заводил свою волынку:

— Эх, годы берут своё... Учитель твой уже одной ногой в могиле, а ты — ни капли уважения к старшим. Трудно тебе, что ли, старика порадовать, пошутить со мной? Помяни моё слово, Муи, твоё «каменное лицо» — это болезнь, и её надо лечить.

В конце концов Муи это надоело. Он вскинул бровь, и его тонкое, породистое лицо приняло такое выражение, что Цуй Инлун невольно подумал: «Ну и погибелью для женских сердец ты вырастешь, парень».

Но слова, сорвавшиеся с губ ребенка, заставили наставника пожалеть о своем длинном языке.

— Учитель, — вкрадчиво начал Муи, — если вы и впрямь так дряхлы, что едва волочите ноги, то вина целиком на мне. Позвольте же проявить сыновнюю почтительность: я смастерю для вас кресло на колесах. Старикам вредно много ходить. И о вине забудьте — оно лишь губит остатки здоровья. Перейдем на пресную кашу с овощами — самая подходящая диета для вашего почтенного возраста. А поскольку оружие вам теперь, должно быть, не по руке, просто сидите в сторонке на тренировочном поле и присматривайте за моими успехами. Большого от вас и не требуется.

По мере того как мальчик говорил, Цуй Инлун бледнел. Ученик в последнее время стал невыносимо... как бы это назвать? Ядовитым. Наставник был готов разрыдаться: удар попал в

самое болезненное. Лишить его вина? Заставить сидеть в неповоротливом кресле, точно немощного книжника, и жевать пустую кашу вместо мяса?

— Ты... ты... жестокий мальчишка! — только и смог выдохнуть поверженный учитель.

Муи лишь едва заметно усмехнулся. За эти два года он внешне превратился в «ледяного принца», но внутри него кипела жизнь. Если бы он подбирал слова из своей прошлой жизни, он назвал бы себя «черным пузом» — ехидным и скрытным манипулятором, который всегда себе на уме.

После завтрака Муи послушно отправился в кабинет. Цуй Инлун считал, что в семь лет еще рано забивать голову одной лишь стратегией, иначе мальчик возненавидит классический канон. Учитель не требовал от него зазубривать «Четверокнижие и Пятиканоние» до последнего знака, как это делали кандидаты в чиновники, но настаивал на понимании сути. Муи и сам понимал: в этом мире путь к истинному величию лежит через гармонию меча и кисти.

Цуй Инлун за свою жизнь повидал немало, и его уроки превращались в увлекательные рассказы о географии, обычаях и нравах разных земель. Муи слушал затаив дыхание. Подначиваемый учеником, наставник часто ввязывался в дискуссии о государственных делах. Здесь, на уединенной горе, им не нужно было бояться обвинений в крамоле. Цуй Инлун с удивлением замечал, что некоторые суждения мальчика — порой пугающе дерзкие и свежие — дают пищу для размышлений ему самому.

Например, они часто обсуждали бесконечную войну Сун с киданями.

— Почему при живой и боеспособной армии семьи Ян мы раз за разом терпим неудачи? — вопрошал учитель. Сам он винил во всем клику канцлера и его влияние на государя. — Император всегда прав, подданные лишь подводят его.

Муи же, осторожно подбирая слова, высказал иную мысль:

— Учитель, возможно, дело не только в министрах. Не кажется ли вам, что Его Величество намеренно использует канцлера, чтобы сдерживать влияние Янов? Баланс сил для трона порой важнее победы на границе. К тому же излишняя осторожность государя в защите своих земель порой граничит с пассивностью.

Будь на месте Цуй Инлуна кто-то другой, Муи не проронил бы ни слова. Но учителю он доверял. Старик поначалу не хотел признавать слабость монарха, но в глубине души понимал: если бы император проявил твердую волю, верные воины вроде Янов могли бы не только обороняться, но и прирастить земли империи.

Чоу Муи не любил вспоминать о своей кровной семье, но в государстве Сун не было человека, который не слышал бы о «Полководцах Ян». Он знал из своей прошлой жизни, что верность

этих людей станет их проклятием. Канцлер Пань Жэньмэй, одурманенный властью, рано или поздно предаст их, и если этот род падет, Сун останется беззащитной.

Цуй Инлун, глядя на то, как семилетний ребенок с недетской серьезностью рассуждает о судьбах страны, порой ловил себя на странной мысли: «Этот мальчик однажды войдет в чертоги власти. И кто знает, быть может, именно ему суждено переломить ход истории?»

К обеду Муи отправился в густые заросли на другой стороне горы. Там, в одной из своих ловушек, он обнаружил незадачливого зайца — достойное дополнение к их скромному столу. Вернувшись, он застал учителя в весьма благодушном настроении: тот даже не притронулся к очагу и с лукавой ухмылкой подпирал косяк кухни.

Муи протянул ему добычу, но Цуй Инлун не пошевелился.

— Милый ученик, — пропел он, — ты ведь не раз жаловался, что стряпня твоего учителя годится лишь на то, чтобы не помереть с голоду? То мясо тебе слишком пресное, то пересоленное... Я решил, что пришла пора развить в тебе еще один талант. Ты вырос, окреп — чай, до плиты дотянешься. Жду не дождусь возможности отведать плоды твоей сыновней заботы.

Муи мысленно истыкал куклу наставника иголками. «Вот же злопамятный старик! Ну подумаешь, сказал пару раз, что его жареное мясо на вкус как подметка... Неужели из-за этого стоило устраивать всё это представление?»

Но отступать было не в правилах Муи. Он решил во что бы то ни стало утереть учителю нос. Однако реальность оказалась суровее ожиданий. Полчаса он возился с огнивом, пока наконец не разжег пламя, при этом сам стал похож на трубочиста. Цуй Инлун, вдоволь насмеявшись, всё же помог ему раздуть угли.

Муи принялся за дело. Он решил, что больше не притронется к вареному или просто жаренному на костре мясу. Он вознамерился сотворить нечто похожее на блюда из своего прошлого — мясо, обжаренное с овощами. В его распоряжении была большая чугунная сковорода, напоминавшая вок.

К тому моменту, когда обед был готов, Муи чувствовал себя так, словно прошел через десятилетнюю войну. Но когда блюдо оказалось на столе, радость угасла. Над тарелкой витал странный аромат, в котором запах гари боролся за первенство с запахом сырого мяса. Угольки соседствовали с недожаренными кусками.

Муи, сцепив зубы, принялся жевать те части, которые хотя бы не хрустели на зубах. Цуй Инлун потянулся было палочками к заветному куску, но мальчик преградил ему путь:

— Учитель, этот заяц — мой особый дар вам. Вы ведь так хотели моей стряпни? Теперь я буду готовить вам каждый день. Лес полон дичи, так что обещаю вам незабываемое «пиршество».

Цуй Инлун, глядя на подозрительное месиво в тарелке, храбро отправил кусок в рот. В ту же секунду его лицо приобрело все оттенки радуги — от мертвенно-бледного до багрового. Не проглотив ни крошки, он пулей вылетел во двор.

Вернувшись, он уставился на ученика с тихим ужасом. Муи был гением в науках, талантлив в боевых искусствах, но в кулинарии оказался совершенно безнадёжен.

— Муи... — Цуй Инлун осторожно подбирал слова, чтобы не ранить чувства ребенка. — Как так вышло, что мясо и овощи в твоей тарелке живут настолько... разной жизнью?

— Мне семь лет, — невозмутимо отозвался Муи, хотя в его глазах прыгали чертики. — Я в жизни не стоял у плиты. Вы сами заставили меня готовить. Разве вы не должны гордиться тем, что я хотя бы не сжег дом?

Цуй Инлун вздохнул. Его план по воспитанию идеального слуги и повара с треском провалился. Он понял, что если еще раз позволит Муи войти в кухню, его смерть будет зафиксирована лекарем как «пищевое отравление при особо отягчающих обстоятельствах».

Так бесславно завершилась великая кухонная реформа на горе.

<http://bllate.org/book/17388/1692818>